

NEW DATA ON THE ROMAN MILITARY PRESENCE IN THE BOSPORUS

A.I. Ivantchik

The article is devoted to the publication of an inscription found in Tanais, which speaks about the erection of a statue of the Bosporan king Sauromates III (AD 229/230–231/232). The statue was commanded by a person whose name is disappeared and only the patronymic (the son of Asandros) is preserved; he was a commander of a «Thracian detachment and a square of hoplites». A similar connection is mentioned in the funerary oration SEG 55, 862 from Panticapaeum which allows me to suggest a chronological vicinity of two inscriptions and confirms the date of the second one in the end of the 2nd or the first half of the 3rd century AD proposed earlier by G. Bowersock and C.P. Jones (the reign of Sauromates III rather than Sauromates II). An analysis of these and other inscriptions mentioning the «Thracian detachment» allows to interpret this detachment as the Roman auxiliary cohorts I Thracum. The soldiers of this cohort were probably sent to the Bosphorus from the province of Lower Moesia (not from Bythynia–Pontus, as it was suggested earlier) together with those of legio I Italica who participated in the «Bosporan war» mentioned in an inscription from Preslav.

Keywords: Northern Black Sea region, Bosporan Kingdom, Tanais, epigraphy, Roman army, auxiliary troops.

© 2013 г.

В. В. Крапивина

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Статья посвящена заключительному периоду истории Ольвии Понтийской, относящемуся к последней четверти III–IV в. н.э. После готского разгрома в 269–270 гг. н.э. жизнь здесь прерывается и возобновляется не ранее середины – конца 80-х годов III в. н.э. Определение характера этого периода имеет большое значение для понимания не только причин прекращения жизни на месте Ольвии, но и особенностей исторического развития всего региона Нижнего Побужья в конце III–IV в. н.э. Этот период ее истории вполне может рассматриваться в качестве позднеантичного, а не постантичного.

Ключевые слова: Ольвия Понтийская, варвары, черняховская культура, Римская империя, позднеантичный период, последняя четверть III–IV в.н.э.

Заключительный период истории Ольвии Понтийской относится к последней четверти III – третьей четверти IV в. н.э. После готского разгрома в 269–270 гг. жизнь здесь прерывается и возобновляется не ранее середины – конца 80-х годов III в.н.э. (рис. 1). Не исключено, что это произошло в конце 80-х – начале 90-х годов III в.н.э. Находки римских монет этого времени относятся к правлению Диоклетиана (284–305)¹.

Крапивина Валентина Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии НАН Украины.

¹ Карышковский 1968, 178.

Рис. 1. Южная часть Ольвии. Вид с вертолета (фото А. Кремко)

До недавнего времени этот период считался наименее изученным в жизни города. Действительно, строительные остатки были сильно разрушены в новое и новейшее время и чаще всего просто отмечались исследователями, не подвергаясь тщательному изучению. Они особенно пострадали в результате разборки их при строительстве Очаковской крепости, а позднее – при строительстве с. Парутино. Тем не менее определение характера этого периода имеет большое значение для понимания не только причин прекращения жизни на месте Ольвии, но и особенностей исторического развития всего региона Нижнего Побужья в последней четверти III – IV в. н.э. Фактически Ольвия является единственным античным центром Северного Причерноморья, где не зафиксированы средневековые слои, т.е. жизнь здесь прекратилась ранее, не пережив античной эпохи. За последних два десятилетия накоплены значительные материалы, позволяющие решить вопрос о том, какой была Ольвия в последней четверти III – IV в. н.э.² К сожалению, часть исследователей не учитывает их и определяет Ольвию то как центр варварских племен³, то как один из варварских поселков⁴. При этом ссылки делаются на работы исследователей Ольвии и ее хоры, изданные не позднее 1990 г., а слой последней четверти III – IV в. н.э. на большой площади был раскрыт в последующие годы. От ответа на вопрос: по-прежнему ли Ольвия сохраняет античные традиции или же ее население полностью ассимилировано варварами и теперь это центр или только один из поселков черняховской культуры, зависит и определение последнего периода ее жизни: либо как позднеантичного, либо как постантичного⁵. В целом необходимо учитывать специфику самого позднеантичного периода, который был выделен именно потому, что отличается от предыдущего – римского – усилением

² Крыжицкий, Русяева и др. 1999, 325–341; Krapivina 2007, 608–626.

³ Магомедов 2001, 20, 138.

⁴ Зубарь 2001, 137–138; практически то же: Зубарь, Сон 2007, 188–189.

⁵ Крапивина 2008, 76–78; Krapivina 2011, 203–209.

роли варварского населения на территории как собственно Римской империи, так и на контролируемых ею землях.

В период «скифских» или «готских» войн происходит формирование черняховской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Первоначально существовало две точки зрения на время этого процесса в регионе. Часть исследователей относила его ко II – середине III в. н.э.⁶, что позволяло предполагать контакт черняховцев с Ольвией и Тирой. Однако большинство исследователей обоснованно считало, что формирование этой культуры в Причерноморье относится к середине – второй половине III в. н.э. и связано с появлением здесь северного черняховского населения⁷. Сейчас вторая точка зрения является общепринятой⁸.

Представляется возможным связать появление этого населения с готским походом 269–270 гг., в результате чего была разрушена не только сама Ольвия, но и прекратили существование последние городища ольвийской периферии⁹, а также нижнеднепровские городища¹⁰. Этот поход отличался от всех предыдущих тем, что это была попытка коалиции племен поселиться на землях Римской империи. Вместе с воинами выступили в поход и их семьи (SHA, Claud. 6, 2; 8, 6; 9, 4; Zosim. I, 42–46). Решающее сражение с римскими войсками состоялось у г. Наисса, где варвары были разбиты и отброшены в горы Гема. Вследствие одержанных побед император Клавдий получил титул Готский. После этих событий несколько меняется характер взаимоотношений между Римской империей и готами, теперь практикуется расселение последних вдоль правого берега Дуная, в пограничной полосе империи¹¹.

Выявленное в северной части Нижнего города Ольвии, на территории предместья, погребение ребенка 2–3 лет может быть отнесено именно к этому времени. Оно было нарушено при позднейшей строительной деятельности ольвиополитов. Анализ сопровождающего инвентаря, который суммарно датируется второй половиной III – первой половиной IV в. н.э., а также обряда погребения позволяет констатировать, что оно связано с представителями черняховской культуры (рис. 2). Очевидно, захоронение было осуществлено в экстремальной ситуации – умер ребенок, и его похоронили по племенному обряду на чужой территории¹². Вероятно, это произошло во время второго готского нашествия на Ольвию в 269–270 гг.¹³, что косвенно подтверждает информацию о том, что готы, решив поселиться на землях Римской империи, выступили в поход вместе с семьями (SHA, Claud. 6, 2).

Следует констатировать, что Ольвия перестала быть центром большой сельскохозяйственной округи. Ее хора существует теперь только в радиусе 5–10 км, остальная территория занята поселениями черняховской культуры, которые появляются здесь, вероятно, немного позднее возрождения жизни на месте Ольвии, не

⁶ Магомедов 1987, 94; Крыжицкий, Буйских и др. 1989, 154–155.

⁷ Гороховский 1985, 21–22; Гороховский, Зубар, Гаврилюк 1985, 36; Гей 1986, 77; Гудкова, Крапивина 1990.

⁸ См. Магомедов 2001, 134; Крыжицкий, Русяева и др. 1999, 339–340.

⁹ Гороховский, Зубар, Гаврилюк 1985, 37.

¹⁰ Погребова 1958, 235–237.

¹¹ Ременников 1954, 127–130, 144–145; Буданова 1990, 99–100.

¹² Лейпунская 2006, 185–188.

¹³ Н.А. Лейпунская полагала, что это произошло в период между двумя готскими нашествиями: 230-х годов и 269–270 гг. (2006, 188). Однако представляется более логичным связать его с 269–270 гг., когда жизнь на месте Ольвии прекращается на какое-то время, чего не произошло после первого нашествия.

Рис. 2. Ольвия. Погребение черняховской культуры в Нижнем городе (участок НГС)

ранее конца III в. н.э., как отражение процесса возвращения части северопричерноморских племен, в состав которых входили и готы после разгрома их войсками Римской империи.

Территория собственно Ольвии не была занята носителями черняховской культуры. Вероятно, жизнь здесь возобновляется раньше, чем последние возвращаются из походов и поселяются на территории бывшей хоры Ольвии. Вызывает сомнение возможность присутствия в это время в Ольвии римского гарнизона. Во всяком случае, материалы раскопок пока никак этого не подтверждают. Предположение о возможности нахождения римского гарнизона или хотя бы наблюдательного отряда в Ольвии во времена Диоклетиана было высказано на основании находки в *Troaenum Traiani* (совр. Адамклисси, Румыния) латинской надписи с упоминанием Зевса Ольвиополитанского¹⁴. Однако источник этот неоднозначен и не может служить единственным основанием для подобных выводов. Возможно, надпись связана с культом Зевса Ольвии из достаточно далекой Ольвии. Она также может свидетельствовать о существовании последней в это время. Тем не менее вряд ли в столь сложной для Римской империи обстановке, когда она была вынуждена сокращать целые провинции, имело смысл держать гарнизон или даже отряд в далекой Ольвии¹⁵. Характер связей с Римской империей не ясен, однако, он не мог быть определяющим. Обстановка в регионе была обусловлена прежде всего взаимоотношениями Ольвии с окружавшими ее носителями черняховской культуры.

Количество черняховских поселений в Нижнем Побужье более чем вдвое превышает число приольвийских городищ III в. н.э., плотность их расположения уменьшается с запада на восток. Они, как и во всем ареале распространения культуры, распо-

¹⁴ Карышковский 1968, 168–179.

¹⁵ Крапивина 1993, 155.

лагались на пологих склонах балок и долин небольших рек, реже – на обрывистых берегах лиманов¹⁶, обычно в стороне от античных памятников, которые в I–III в. н.э. занимали самые возвышенные места в округе, на мысах или гребне водоразделов, возвышаясь над уровнем лимана на 25–45 м¹⁷. Остатки отдельных жилищ были выявлены на территории некоторых городищ ольвийской периферии предыдущего периода, однако оборонительные сооружения не были восстановлены ни на одном из них, что зафиксировано и опубликовано всеми исследователями хоры Ольвии¹⁸. В связи с этим утверждение о восстановлении черняховцами оборонительных сооружений на античных городищах¹⁹, не соответствует действительности.

Поселения обычно однослойные, площадью 0,5–7,0 га, не укреплены, имеют вытянутую конфигурацию со свободной планировкой, улицы не прослеживаются. Исключение составляют два городища, имевшие оборонительные сооружения и регулярную застройку внутри: это Александровка на р. Ингулец и Городок на р. Южный Буг, которые располагались гораздо севернее Ольвии. Самый распространенный тип построек – прямоугольные каменные или каркасно-глинобитные дома, состоявшие из двух, реже – трех помещений, одно из которых было хозяйственным²⁰.

Основой экономики окружавшего Ольвию населения черняховской культуры являлось сельское хозяйство, прежде всего зерновое, и животноводство, хотя оно имело свои отличия от ольвийского. Основными культурами были пшеница двузернянка, ячмень пленчатый, просо обыкновенное, реже встречаются голозерные пшеницы, иногда рожь²¹. Несколько иной, чем у ольвиополитов, набор злаков определяет и более простой характер обработки почвы: менее глубокую вспашку, что вполне соответствует мягким аллювиальным почвам надпойменных террас и тонкому слою темнокаштановых черноземов на склонах балок. Для животноводства черняховских племен характерно преобладание крупного рогатого скота, меньший процент мелкого рогатого скота и лошадей, чем в Ольвии²². Развитию животноводства способствовало прежде всего наличие хороших пастбищ, которые характеризуют надпойменные террасы и склоны балок.

Для населения Ольвии основной экономической деятельностью продолжало оставаться сельское хозяйство традиционных направлений. Однако резкое сокращение хоры не могло не привести к снижению роли земледелия. По-прежнему выращивались голозерные сорта пшеницы, ячмень пленчатый и голозерный, просо обыкновенное, рожь. Пшеница двузернянка встречается редко²³. Характер выращиваемых злаков вполне соответствовал тяжелым темнокаштановым черноземам мысов, на которых располагалась Ольвия и ранее городища ее хоры, в отличие от памятников черняховской культуры. Ольвиополиты продолжали возделывать также горох, вику, чечевицу. Значительное количество косточек культурного винограда в слоях последней четверти III – IV в. н.э. свидетельствует о продолжении возделывания винограда и наличии тесно связанного с ним виноделия. Отсутствие композитных виноделен этого времени в Ольвии позволяет сделать вывод, что

¹⁶ Магомедов 1987, 13–14, рис. 1.

¹⁷ Буйских, Иевлев 1986, 71; Крыжицкий, Буйских и др. 1989, 157–158.

¹⁸ Крыжицкий, Буйских и др. 1989, 156–162, 219; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990, 77–97.

¹⁹ Магомедов 2007, 51.

²⁰ Магомедов 1987, 16–17.

²¹ Пашкевич 1991, 19, табл. 1.

²² Ср. Магомедов 1987, 67–68.

²³ Все палеоботанические определения по Ольвии сделаны д.б.н. Г.А. Пашкевич.

виноделие не носило товарного характера и вино делалось для домашнего потребления с помощью простейших приспособлений – корыт и тарапанов. Из-за сокращения хоры в Ольвии возрастает роль животноводства, ремесел и промыслов. В целом зафиксирован тот же набор домашних животных, что и в предшествующий период: крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь, собака, изредка кот. Несколько возрастает процент крупного рогатого скота, немного уступает ему мелкий рогатый скот, вместе составляющие до 80% стада, сокращается количество свиней, процент лошадей сокращается незначительно. Преобладают взрослые особи, что свидетельствует о хорошей кормовой базе животноводства²⁴.

В целом для Ольвии характерны те же ремесла, что и в предшествующий период. При этом возрастание роли ремесла в экономике Ольвии происходило в основном за счет развития металлообработки и гончарства. Все металлообрабатывающие и гончарные мастерские выявлены в пределах городской застройки, преимущественно в южной части Верхнего города Ольвии²⁵.

Металлообрабатывающие мастерские существуют от момента возрождения жизни на городище во времена правления Диоклетиана до середины – начала третьей четверти IV в. н.э. Более ранними являются мастерская на участке Л в Верхнем городе и на участке НГФ-СВ в Нижнем городе, они датируются концом III – началом IV в. н.э. Узкая датировка мастерской, раскрытой в 1906 г., не ясна. Две мастерские, выявленные на участке Р-25, относятся к среднему строительному периоду IV в. н.э. В отличие от них гончарная мастерская датируется временем не ранее середины – третьей четверти IV в. н.э., горн относится к обычному для Ольвии типу прямоугольных горнов, известных здесь в I–III вв. н.э.²⁶ Стеклоделие фиксируется по находкам большого количества обломков стеклянных изделий, найденных в одном хозяйственно-производственном помещении, а также по отходам этого производства, зафиксированных в известковом растворе здания общественного назначения (см. ниже)²⁷.

Металлообработка и гончарство обычно были хорошо развиты и у племен черняховской культуры, однако именно в Северо-Западном Причерноморье остатки этих производств крайне незначительны²⁸. Итак, хозяйство ольвиополитов и ближайшего к ним населения черняховской культуры были близки, но не идентичны и вряд ли могли составлять «единый экономический организм»²⁹.

В это время в Ольвии не было собственной монетной чеканки. Однако немногочисленные находки монет римских императоров здесь известны от времени Диоклетиана до правления Валента (364–378)³⁰. Все это свидетельствует о значительном сокращении торговли и натурализации хозяйства Ольвии. Она в значительной степени оказывается в стороне от торговых путей. Тем не менее фиксируются торговые связи с Боспором, Малой Азией, западными провинциями Римской империи, Северной Африкой³¹.

²⁴ Определения остеологического материала и выводы сделаны к.и.н. О.П. Журавлевым.

²⁵ Металлообрабатывающие мастерские зафиксированы здесь также в слоях I–III в. н.э., в связи с чем информация о том, что мастерские I–III вв. н.э. раскрыты только к северу от оборонительной стены, т.е. в предместье (Зубарь 2001, 136; Зубарь, Сон 2007, 188), не соответствует действительности.

²⁶ Крапивина 2010, 238–239.

²⁷ Анализы были проведены Н.В. Шевченко.

²⁸ См. Магомедов 1987, 70, 73.

²⁹ См. Магомедов 1985, 47–49.

³⁰ Карышковский 1988, 129.

³¹ Крапивина 1993, 157; Крыжицкий, Русяева и др. 1999, 336–337.

Рис. 3. Ольвия. Участок Т-3. Остатки построек предместья конца III – IV в. н.э.

Вероятно, происходит некоторая торговая переориентация Ольвии, более важными становятся торговые связи с населением черняховских поселений, возрастает значение посреднической торговли. В связи с тем, что и на памятниках черняховской культуры в Северном Причерноморье монетные находки единичны, можно предположить, что торговля в основном носила обменный характер.

Территория собственно Ольвии сократилась незначительно относительно предшествующего периода: это по-прежнему южная часть Нижнего и Верхнего города, за исключением центральной возвышенности³². Большое по площади производственно-хозяйственное предместье, застроенное одно-двухкамерными сооружениями, продолжает существовать в центральной и северной части Нижнего города³³. В 2009 г. крайне разрушенные постройки предместья были раскрыты в центре террасной части Ольвии (участок Т-3)³⁴ (рис. 3). Амфоры и небольшое количество бытовой керамики конца III – IV в. н.э., выявленные в затопленной части Ольвии, свидетельствуют о наличии в это время в припортовой части складских помещений, здесь функционирует порт³⁵.

Как показали исследования последних двух десятиков лет, слой конца III – IV в. н.э. достаточно мощный, в нем выделяется не менее трех строительных периодов³⁶. В это время Ольвия, скорее всего, не имела оборонительных сооружений, они были разрушены в 269–270 гг. и больше не восстанавливались. Пока это установлено только в отношении юго-восточной части оборонительной стены, располагавшейся вдоль склона к лиману. На ее месте зафиксированы водостоки, а камни пошли на строительство, в частности наружной стены жилого дома³⁷ (рис. 4–5).

³² Крапивина 1984, 210–212.

³³ Крыжицкий 1967, 131–133; 1985, 167–168; Лейпунская 1988, 72, 78–79.

³⁴ Крыжицкий, Назарчук 2010, 242–243.

³⁵ Крыжицкий 1984, 57–63.

³⁶ Крапивина, Буйських 2004, 177–178; Крапивина 2006, 180.

³⁷ Крыжицкий, Русева и др. 1999, 326; Крапивина 2006, 181; Krapivina 2007, 608.

Рис. 4. Ольвия. Участок Р-25. Остатки водостоков конца III – IV в. н.э. на восточном склоне

Рис. 5. Ольвия. Участок Р-25. Стена жилого дома IV в. н.э.

Рис. 6. Ольвия. Участок P-25. Главная улица города IV в. н.э.

Характер строительных остатков конца III – IV в. н.э. свидетельствует о сохранении прямоугольной планировки в пределах отдельных районов города. На территории бывшей цитадели выявлена вымостка Главной улицы города, располагавшаяся на верхней террасе почти параллельно склону (рис. 6). Ее южная часть расширяется в это время и образует небольшую площадь, замощенную каменными плитами и известняковой щебенкой, ограниченную в юго-восточной части бордюрными камнями. В южной части вымостки был найден бронзовый статер Рескупорида V (325/326 г.)³⁸. В северной части перпендикулярно этой улице к востоку отходили два переулка, также покрытые известняковой щебенкой и каменными плитами. К северу от бывшего здания претория была выявлена поверхность древней грунтовой дороги IV в. н.э. (рис. 7). Она перпендикулярна Главной улице, ориентирована по оси запад–восток. Общая раскрытая длина дороги 15 м, ширина 7,8–8,8 м³⁹.

В юго-восточной части Верхнего города Ольвии (участок P-25) застройка склона по-прежнему проводилась террасами. Здесь частично раскрыто большое здание, сложенное на известковом растворе, предположительно общественного назначения (рис. 8). Пока установлен его полный размер только по оси запад–восток, он составляет 16,75 м. Известковый раствор, столь характерный для римской строительной техники, в Ольвии применялся крайне ограниченно. Это первый

³⁸ Определение монет, найденных на участке, сделано В.В. Крутиловым.

³⁹ Крапивина, Хмелевский 2006, 238–241.

Рис. 7. Ольвия. Участок Л1-1. Грунтовая дорога IV в. н.э., перекрывающая двор дома II – III в. н.э

Рис. 8. Ольвия. Участок Р-25. Здание общественного назначения конца III – IV в. н.э.

случай его использования в кладках дома⁴⁰. Здание было сооружено не ранее конца III – начала IV в. н.э. Возможно, находка в завале камней к востоку от здания, у подошвы его стены бронзовой монеты императора Константина I (306–337), позволяет связывать его с этим временем. На уровне его вымостки была найдена небольшая стеклянная литая голова, выполненная в высоком рельефе, предположительно местной работы⁴¹ (рис. 9). Судя по иконографии, это изображение мор-

⁴⁰ Крапивіна, Буйських, 2004, 177–178.

⁴¹ Определение Н.З. Куниной.

Рис. 9. Ольвия. Участок Р-25. Стеклолитая голова морского божества IV в. н.э.

ского божества, рот которого полуоткрыт. Вероятно, голова служила вставкой в плиту фонтана, украшавшего интерьер дома⁴².

Следует отметить, что выявленные в этой части города жилые дома характеризуются значительной площадью, равнозначно-параллельным принципом планировки, иногда наличием вторых этажей, сочетанием жилых и хозяйственных помещений. Стены сложены из известняковых камней различных размеров, они обмазывались глинистым раствором, штукатурились, в интерьере могли использоваться небольшие колонны и мраморные облицовочные плиты. Крыши были в основном черепичными. Дворы обычно вымощены камнем, имеют водостоки и водосборные колодцы, изредка – прямоугольные в плане каменные алтари⁴³.

Один из этих домов располагался на верхней террасе, раскрыт частично, уходит в северный и западный борта раскопа (рис. 10). Выявлены пять помещений с глинобитными полами и остатками двора с каменной вымосткой и водостоками. От стен дома сохранились траншеи, шириной от 1,10 до 2,45 м, образовавшиеся в новое время в результате разборки мощных каменных кладок. Раскрытая площадь дома составляет ок. 180 кв. м, площадь отдельных помещений – от 8,4 до 20,7 кв. м. Они располагались двумя параллельными рядами, т.е. для дома был характерен равнозначно-параллельный принцип планировки. Помещения в основном были хозяйственными. В частности, в одном из них находилась большая печь сложной конструкции (рис. 11). Двор выявлен в северо-восточной части дома, его площадь могла составлять до 56 кв. м. Достаточно мощные стены дома, а также преимущественно хозяйственное назначение раскрытых помещений позволяют предполагать у него наличие второго этажа⁴⁴.

Не понятно, на основании чего некоторые исследователи пришли к выводу, что в этот период количество хозяйственных ям на территории города возрастает, а в домах появляются загородки-кормушки, которых не было ранее, и на этом основании делается заключение о схожести этих комплексов с черняховскими⁴⁵. В действительности количество хозяйственных ям при домах в конце III – IV в. н.э. не увеличивается относительно предшествовавшего, римского периода. Загородки-кормушки, связанные с содержанием скота в домах, отсутствуют. Есть только обычные для Ольвии разные «столики» и небольшие каменные загородки в углах помещений, связанные с домашним хозяйством.

⁴² Крапивина 2006, 182–183.

⁴³ Крапивина 2006, 183.

⁴⁴ Крапивина 2006, 183–185.

⁴⁵ Зубарь 2001, 136; Зубарь, Сон 2007, 188.

Рис. 10. Ольвия. Участок P-25. Остатки дома IV в. н.э.

Рис. 11. Ольвия. Участок P-25. Печь в одном из помещений дома IV в. н.э.

Рис. 12. Ольвия. Участок НГФ-СВ. Площадь IV в. н.э.

В южной части Нижнего города, вероятно, располагались жилые кварталы. Работы на участке НГФ-СВ выявили наличие в слое конца III – третьей четверти IV в. н.э. не менее двух строительных периодов. Раскрыта площадь IV в. н.э. с системой водостоков различной конструкции (каменных и черепичных), с водосборными и даже «смотровым» колодцами, препятствовавшими попаданию воды на нижнюю террасу (ныне обрушившуюся в лиман) (рис. 12–13). О существовании по крайней мере еще одной террасы в данном месте свидетельствует подпорная стена, обнаруженная к северо-востоку. В юго-западной части участка продолжали использоваться два помещения дома II–III вв. н.э. значительной площади⁴⁶.

Итак, на основании исследований, проведенных в Верхнем и Нижнем городе Ольвии, можно констатировать, что в планировке и строительной технике зданий конца III – IV в. н.э. сохраняются античные традиции, а некоторое ухудшение качества строительства является, вероятно, следствием экономических причин. Интересно появление на последнем этапе жизни Ольвии новых улиц и площадей. Общий облик застройки города резко отличается от окружающих его поселений черняховской культуры.

Материальная культура Ольвии в целом также остается античной⁴⁷, хотя материалы этого времени по численности значительно уступают предшествующему периоду. Комплексы черняховской культуры здесь не выявлены. Наличие отдельных предметов, связываемых с черняховцами⁴⁸, может свидетельствовать только о контактах между ними и ольвиополитами. Данные, позволяющие считать иначе, пока отсутствуют.

Керамический комплекс Ольвии в последней четверти III – IV в. н.э. традиционно состоит из строительной керамики, хозяйственной, керамики для приготовления пищи (сероглиняной шероховатой, коричневоглиняной – «кухонной»),

⁴⁶ Крапивина, Буйских и др. 2002, 152–155.

⁴⁷ Крапивина, 1993, 155–157; Крыжицкий, Русяева и др. 1999, 325–329.

⁴⁸ См. Магомедов 2007, 48.

Рис. 13. Ольвия. Участок НГС-СВ. Один из водостоков на площади IV в. н.э.

лепной), столовой посуды (сероглиняной, светло- и красной, краснолаковой), светильников. Следует отметить некоторое снижение процента лепной керамики в слоях Ольвии конца III – IV в. н.э. по сравнению со слоями I – III вв. н.э.⁴⁹ Для этого времени в столовой керамике характерно преобладание сероглиняной посуды⁵⁰. Она обычно тщательно выполнена, может быть лощеной и иметь различный лощеный, реже пластичный орнамент, представлена в основном кувшинами (преобладают), мисками с загнутым внутрь венчиком, биконическими мисками, вазами, кубками с ручками, горшочками. Небольшая часть керамического комплекса Ольвии сопоставима с керамикой поселений черняховской культуры, располагавшихся вокруг Ольвии. Это сероглиняная шероховатая керамика, представленная в основном зерновиками для хранения припасов и горшками для приготовления

пищи, а также часть сероглиняной столовой посуды (биконические миски, вазы, некоторые типы кувшинов). Типологический сравнительный анализ сероглиняной керамики из Ольвии и поселений черняховской культуры показывает, что они сосуществуют как два параллельных явления⁵¹. При этом нельзя исключить возможность того, что ольвийские гончары работали в русле потребностей черняховцев, так как гончарство на их поселениях, располагавшихся вокруг Ольвии, не зафиксировано. Тем не менее соотношение местной и привозной керамики в Ольвии в это время неизвестно. Окончательно решить вопрос о центрах производства этой керамики возможно только проведя химические анализы⁵². К сожалению, некоторые исследователи, проводя сравнительный анализ керамики из Ольвии и поселений черняховской культуры, рассматривают не весь керамический комплекс Ольвии, а только часть сероглиняной керамики, сопоставимой с черняховской, фактически выхватывая ее из контекста⁵³.

⁴⁹ Крапивина 1993, 126, табл. 1–4.

⁵⁰ Сероглиняная керамика в Ольвии использовалась на протяжении всего периода ее существования – со второй четверти VI в. до н.э. по IV в. н.э.

⁵¹ Гудкова, Крапивина 1990.

⁵² Krapivina, Schultze 2011, 428.

⁵³ Магомедов 2007, 49–50. В частности, все вазы, найденные в Ольвии, крайне фрагментарны и называть их трехручными по аналогии с черняховскими, нет оснований в связи с тем, что более одной ручки на фрагменте никогда не было обнаружено, не говоря уже о целых экземплярах.

Амфоры IV в. н.э. в Ольвии представлены четырьмя основными типами. Наиболее распространены два типа амфор, которые производились в центрах Южного Причерноморья. Еще два основных типа амфор, однако менее многочисленные, производились на Боспоре⁵⁴.

Краснолаковая керамика (по данным участка P-25) принадлежала известным группам позднеантичной краснолаковой керамики: понтийской (Pontic Red Slip Ware – PRS), североафриканской (African Red Slip Ware – ARS) и фокейской (Phocean Red Slip Ware – PhRS). Большинство этих сосудов (свыше 80%) относится к PRS. Они производились в пока неустановленном центре черноморского региона. В Ольвии найдены формы сосудов PRS, которые можно датировать IV в. н.э. – рубежом IV–V вв. н.э. Вторую группу составляют сосуды группы ARS, датируемые широким промежутком времени – IV – первой половиной V в. н.э. Самая малочисленная – группа PhRS – 4 фрагмента, датируемые суммарно второй половиной IV – первой половиной V в. н.э. Отсутствие большого количества этих сосудов, торговля которыми активно развивалась в V в. н.э., говорит о том, что в то время позднеантичная Ольвия уже не существовала. Важным для установления верхней даты поставок краснолаковой керамики в Ольвию является сравнение ее с ситуацией в Танаисе. Почти полное отсутствие там сосудов PRS, типичных для IV в. н.э., присутствие сосудов PRS и PhRS, типичных для первой половины V в. н.э., говорит о том, что когда вышеупомянутые формы привозили в Танаис, в Ольвию они уже не попадали. Поэтому ориентировочным рубежом гибели позднеантичной Ольвии может являться период гуннского переселения конца третьей четверти IV в. н.э.⁵⁵ Ранее эта дата была установлена по находкам монет римских императоров в Ольвии⁵⁶.

Некрополь Ольвии этого времени пока не выявлен, за исключением пары погребений, раскопанных Б.В. Фармаковским. Где они располагались – точно неизвестно, планы не сохранились. В них были найдены два костяных гребня и фибулы, датирующиеся III–IV вв. н.э. и свидетельствующие о связи Ольвии с населением черняховской культуры⁵⁷. Интересно сообщение о том, что в могиле 38 найдены вместе две фибулы с пластинчатым корпусом IV в. н.э., обломок костяного гребня и пряслице из эллинистического черепка⁵⁸.

Вряд ли некрополь располагался далеко от города. С учетом того, что северная часть ольвийского некрополя, прилегающая к городищу, исследована достаточно хорошо, его следует искать к западу и юго-западу от города, за Заячьей балкой. Абсолютно необоснованно утверждение об открытии в последнее время целого ряда погребений заключительного этапа истории на территории Ольвии⁵⁹. Погребение, раскопанное в Нижнем городе, описано выше, относится к черняховской культуре и связано с готским разгромом Ольвии 269–270 гг. Еще одно погребение, выявленное в террасной части Ольвии (участок Т-3), связывается с кочевниками второй половины I тыс. н.э.⁶⁰, со временем после прекращения жизни Ольвии, когда ее территория используется эпизодически. Информация о серии черепов чер-

⁵⁴ Крапивина 2010, 71–73, pl. 37–39.

⁵⁵ Крапивина, Домжальский 2008, 78–81.

⁵⁶ Карышковский 1988, 129.

⁵⁷ Петерс 1986, 66–67; Амброз 1966, 64, 73.

⁵⁸ Амброз 1966, 64.

⁵⁹ Зубарь, Сон 2007, 188.

⁶⁰ Папанова 2006, 74.

няховского типа, якобы выявленных в Ольвии⁶¹, также не отвечает действительности. В НИАЗ «Ольвия» НАН Украины действительно хранилась серия черепов, происхождение которой неизвестно, но по информации исследователей некрополя Ольвии здесь их не находили. Характер сохранности этих черепов резко отличен от антропологических материалов из Ольвии. Кроме того, в НИАЗ «Ольвия» хранятся также материалы из раскопок на территории ольвийской периферии⁶², где, как известно, располагались поселения и могильники черняховской культуры.

Определить государственный строй Ольвии в это время мы можем только гипотетически. Здесь неизвестны эпиграфические памятники после середины III в. н.э., про Ольвию не упоминают античные авторы, она не чеканит собственную монету. Тем не менее город существует и функционирует, а это дает основания считать, что сохраняется его прежняя структура, только ее действие ограничивается собственно городом и его ближайшей округой.

Отсутствие оборонительных сооружений у черняховских поселений и в Ольвии (хотя бы частичное) свидетельствует о мирных взаимоотношениях между ними. Существуют торговые контакты, хотя вряд ли Ольвия была единственным торговым контрагентом для окружающих черняховских племен. Вероятно, ольвийские ремесленники работают в русле их потребностей. Однако при этом каждое из этих обществ сохраняет свою специфическую структуру и тип хозяйственной деятельности. Ольвия не стала политическим, экономическим или культурным центром черняховских поселений региона. Никаких данных о наличии черняховцев среди жителей Ольвии у нас нет. Жизнь на месте Ольвии прекращается на рубеже третьей – четвертой четверти IV в. н.э., несколько раньше, чем на окружающих черняховских поселениях. Здесь до конца сохраняются античные традиции, и этот период истории Ольвии Понтийской вполне может рассматриваться в качестве заключительного периода античной истории и определяться как позднеантичный, а не постантичный.

Литература

1. Амброз А.К. 1966: Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Д 1-30. М.
2. Буданова В.П. 1990: Готы в эпоху Великого переселения народов. М.
3. Буйских С.Б., Иевлев М.М. 1986: О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / В.А. Анохин (ред.). Киев, 64–76.
4. Гей О.А. 1986: О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. 1, 77–86.
5. Гороховский Е.Л. 1985: Хронология могильников черняховской культуры // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 21–22.
6. Гороховский С.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. 1985: Про пізню дату деяких античних городищ ольвійської хори // Археологія. 49, 25–41.
7. Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990: Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры (препринт). Киев.
8. Зубарь В.М. 2001: О заключительном этапе истории Ольвии (Третья четверть III – первая половина IV в.) // ВДИ. 1, 132–138.
9. Зубарь В.М., Сон Н.А. 2007: Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь.
10. Карышковский П.О. 1968: Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1, 168–179.
11. Карышковский П.О. 1988: Монеты Ольвии. Киев.

⁶¹ Рудич 2003, 27; Магомедов 2007, 51.

⁶² Крапивина 2008, 78.

12. *Кративина В.В.* 1984: К вопросу о застройке Ольвии во II–III вв. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 210–212.
13. *Кративина В.В.* 1993: Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
14. *Кративина В.В.* 2006: О застройке Ольвии в конце III – IV в. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. *Окош.* Материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 180–188.
15. *Кративина В.В.* 2008: О финальном этапе истории Ольвии // Наукові праці: Науково-методичний журнал. Серія «Історичні науки». Спецвипуск. Т. 96. Вип. 83. Миколаїв, 76–78.
16. *Кративина В.В.* 2010: О металлообработке и гончарстве в Ольвии в конце 3 – 4 в. н.э. // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 232–239.
17. *Кративина В.В., Буйських А.В.* 2004: Результаты досліджень 2002–2003 рр. на ділянці Р-25 в Ольвії // Археологічні відкриття в Україні у 2002–2003 рр. Київ, 177–178.
18. *Кративина В.В., Буйських А.В., Крутилов В.В., Хмелевский Д.Н., Смирнов А.И.* 2002: Охранные раскопки в южной части Нижнего города Ольвии в 2001 году (краткие итоги) // Археологічні відкриття в Україні у 2000–2001 рр. Київ, 152–155.
19. *Кративина В.В., Домжальский К.* 2008: Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 73–81.
20. *Кративина В.В., Хмелевский Д.Н.* 2006: Охранные работы на участках Л-1 и НГФ в Ольвии в 2004–2005 годах // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ–Запоріжжя, 238–241.
21. *Крыжицкий С.Д.* 1967: Раскопки на территории Нижнего города Ольвии в 1965–1966 гг. // АИУ в 1965–1966 гг. 1, 131–133.
22. *Крыжицкий С.Д.* 1984: Основные итоги изучения затопленной части Нижнего города Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 57–63.
23. *Крыжицкий С.Д.* 1985: Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.
24. *Крыжицкий С.Д., Буйських С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* 1989: Сельская округа Ольвии. Киев.
25. *Крыжицкий С.Д., Буйських С.Б., Отрешко В.М.* 1990: Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев.
26. *Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Кративина В.В., Лейтунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* 1999: Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев.
27. *Крыжицкий С.Д., Назарчук В.И.* 2010: Розкопки в Ольвії у 2009 р. на ділянках Б-III та Т-3 // Археологічні дослідження в Україні. Київ–Луцьк, 242–243.
28. *Лейтунская Н.А.* Предместье первых веков нашей эры в Нижнем городе Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья / В.А. Анохин (ред.). Киев, 71–82.
29. *Лейтунская Н.А.* 2006: Детское погребение III–IV вв. из Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Труды ГИМ. Вып. 159 / Д.В. Журавлев (ред.). М., 187–188.
30. *Магомедов Б.В.* 1985: Ольвия и черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 47–49.
31. *Магомедов Б.В.* 1987: Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
32. *Магомедов Б.В.* 2001: Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин.
33. *Магомедов Б.В.* 2007: Ольвія і варвари в пізньоантичний період // Археологія. 4, 47–54.
34. *Папанова В.А.* 2006: Урочище Сто могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев.
35. *Пашкевич Г.А.* 1991: Палеоботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. Каталог II (препринт). Киев.
36. *Петерс Б.Г.* 1986: Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
37. *Погребова Н.Н.* 1958: Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 64, 103–247.
38. *Ременников А.М.* 1954: Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М.
39. *Рудич Т.О.* 2003: Антропологічний склад населення черняхівської культури Північного Причорноморья // Археологія. 4, 19–31.
40. *Krapivina V.V.* 2007: Olbia Pontica in the III–IV Centuries A.D. // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2 / D. Grammenos and E. Petropoulos (eds.). Oxford, 591–626.
41. *Krapivina V.V.* 2010: Amphorae of the 3rd–4th Centuries A.D. in Olbia Pontica // PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde Internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006 / D. Kassab Tezgor et N. Inaishvili (eds.). P., 69–73, pl. 37–39.
42. *Krapivina V.V.* 2011: Olbia Pontica in the 3rd–4th Centuries AD. Late Antiquity or Post Antiquity? // Pontica 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings

- of the International Conference, 21st–26th. April 2008, Krakow / E. Papuci-Władyka, M. Vickers, Ja. Bodzek, D. Braund (eds.). Oxford, 203–209.
43. *Krapivina V.V., Schultze E.* 2011: Grey Ware in Olbia and in the Settlements of the Chernyakhov Culture in the Lower Bug Region. Current State of Research and Possibilities for Further Investigations // Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums // Bonner Beiträge. 13. / Ja. Bemann, M. Hegewisch, M. Meyer, M. Schmauder (eds.). Bonn, 417–428.

THE PERIOD OF LATE ANTIQUITY IN THE HISTORY OF OLBIA PONTICA

V.V. Krapivina

The final period in the history of Olbia Pontica is the last quarter of the 3rd – 4th century AD. After the Gothic invasion in 269–270 life in the city did not resume until the mid 280s. It is important to specify the character of this period, not only in order to understand the reasons why active life stopped in Olbia, but also to point out the characteristic features of the development of the South Bug area in the 3rd and 4th centuries AD. It has to be stated that Olbia ceased to be the centre of a large agricultural area. Its chora is within 5 to 10 km radius from the city, the rest of the surrounding territory being occupied by settlements of the Chernyakhov culture. However, as the research in the area shows, traditional agriculture remained the basis of Olbia's economy. Architecture and building techniques as well as the rest of material culture continued the ancient traditions. This period of the life of the city is therefore to be characterized as late antiquity not post-antiquity. The character of interaction between the barbarian and late antiquity cultures is to be studied in more detail.

Keywords: Olbia Pontica, barbarians, Chernyakhov culture, Roman Empire, late antiquity, late 3rd – 4th century AD.

© 2013 г.

С. Д. Крыжицкий

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТОВАНИЙ ОЛЬВИИ

Статья посвящена проблемам интерпретации находок из открытых и закрытых археологических комплексов.

Ключевые слова: археологический комплекс, методика, Ольвия, подвал, яма, интерпретация заполнения.

Раскопки жилых кварталов Ольвии, в ходе которых исследователь сталкивается, как правило, с весьма непростой стратиграфией, осложняемой множеством ям, позволили обратить внимание на две проблемы, связанные с интерпретацией получаемых артефактов из археологических комплексов, анализу которых, как представляется, не всегда уделяется достаточно внимания. Первая из

Крыжицкий Сергей Дмитриевич – доктор архитектуры, член-корреспондент НАН Украины, заведующий отделом античной археологии Института археологии НАН Украины.